

ОДИН ДОМ.
ДВЕ ПОЛОВИНЫ.
ОДНА ИСТОРИЯ.

НАМ ЭТО уже снилось

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРИ ЛАРИН

Дари Ларин

Нам это уже снилось

«Автор»

2026

Ларин Д.

Нам это уже снилось / Д. Ларин — «Автор», 2026

Я знаю о Елисее всё. Знаю, почему он сбежал из Барнаула четыре года назад. Знаю, что он пьет кофе без сахара и терпеть не может просить о помощи. Всю мою жизнь нас разделял только старый деревянный забор между нашими половинами дома. Он был мне как брат. Но когда Елисей внезапно возвращается, всё летит кувырком. Долги его отца могут оставить обе наши семьи на улице. Ввязываясь в эту проблему вместе с ним, я вдруг начинаю замечать то, чего не видела двадцать три года. Как он смотрит на меня. Каким стал его голос. Мой привычный мир рушится. А по ночам меня преследует один и тот же необъяснимый сон, секрет которого я не могу доверить даже ему. Я еще не знаю, что скрывает Елисей, но понимаю одно: мы подошли к черте, за которой наша старая дружба сгорит дотла. Что останется на ее пепелище?

© Ларин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Калитка	5
Глава 2. Цена побега.	9
Глава 3. Сбой в матрице.	11
Глава 4. Точка невозврата.	15
Глава 5. Общий долг.	18
Глава 6. Иллюзия близости.	21
Глава 7. За приоткрытой дверью.	24
Глава 8. Смещение фокуса.	26
Глава 9. Запретная территория.	28
Глава 10. Опасная дистанция.	30
Глава 11. Светские хроники барнаульского разлива.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дари Ларин

Нам это уже снилось

Глава 1. Калитка

ЕСЕНИЯ

В Барнауле утро начинается не с будильника. По крайней мере, у нас, в частном секторе. Сначала где-то за забором начинает лаять собака. Потом сосед, которому обязательно нужно в семь утра завести свою развалюху, греет её минут десять. Потом хлопает чья-то калитка, и с улицы доносится голос женщины, которая уже с кем-то ругается по телефону. И только после этого город окончательно вспоминает, что пора просыпаться.

Я привыкла ко всему этому. К скрипу старой калитки. К яблоне, которая каждую весну каким-то чудом продолжает цвести, хотя папа уже лет пять грозит её спилить. К деревянному забору, который делит наш огромный, построенный ещё дедами дом на две половины.

А ещё я привыкла к тому, что в другой половине уже четыре года слишком тихо.

Когда нам с Елисеем было по семь лет, нам до смерти надоело обходить дом по улице, чтобы попасть друг к другу во двор. Мы стащили у моего отца молоток с гвоздодёром и просто выломали две доски во внутреннем заборе. Родители орал так, что слышала вся улица. Но доски так и не заколотили, а мой папа, сдавшись, приладил туда петли и щеколду. Так появилась наша калитка. Главный портал моего детства.

Этим утром я проснулась от шума проезжающей за окном маршрутки. Вылезла из-под одеяла, натянула футболку и, потянувшись, машинально выглянула в окно. Взгляд скользнул по соседскому двору. Пусто. Краска на его оконных рамах облупилась, крыльцо выглядело заброшенным. Дядя Витя, отец Елисея, возвращался поздно, уходил рано, и их половина дома казалась почти нежилой.

Сам Елисей свалил в Новосибирск сразу после колледжа. В девятнадцать лет. Заявил, что хочет нормальной жизни, нормальных денег и самостоятельности. Я тогда проводила его до автовокзала, вернулась домой и по дурацкой привычке дёрнула щеколду на калитке, забыв, что на той стороне меня больше никто не ждёт. Четыре года. Он, конечно, звонил, приезжал на праздники, но с каждым годом всё реже. У него там своя компания, автобизнес, квартира, Милана. Жизнь просто пошла по разным орбитам.

Я заправила кровать, зашла на кухню и поставила чайник. Мой телефон лежал на столе экраном вниз. Я перевернула его. Три сообщения от клиенток. Одно от мамы. И одно от Елисея.

Я моргнула. Открыла чат.

Елисей: *Я приехал.*

Я нахмурилась. Пальцы быстро застучали по экрану.

Есения: *Куда?*

Ответ пришёл почти сразу.

Елисей: *Домой.*

Три точки на экране появились и исчезли. Потом снова появились.

Есения: *Ты сейчас где?*

Елисей: *В Барнауле.*

Я несколько секунд тупо смотрела на экран, будто буквы могли поменяться местами.

Есения: *Ты издеваешься?*

Елисей: *Ты на работе?*

Есения: *Собираюсь.*

Елисей: *Тогда не отвлекайся. Вечером зайдёшь?*

Я выдохнула. Четыре года в Новосибирске, а привычки остались прежними. Заявиться без предупреждения — это в его стиле.

Есения: *Я тебя ненавижу. Зайду.*

Я бросила телефон в сумку, допила кофе одним глотком и крикнула вглубь дома: — Мам, пап, я убежала! У меня была полная запись в салоне, и думать о том, какого чёрта мой ненормальный друг детства свалился как снег на голову в понедельник утром, времени не было.

ЕЛИСЕЙ

Я заглушил мотор, но из машины не вышел. Несколько минут просто сидел, положив руки на руль, и смотрел на дом. Он ничуть не изменился. Всё тот же потемневший от времени брус, всё тот же шифер, всё те же два крыльца. Одно — ухоженное, заставленное цветами тёти Светы в горшках. Второе — моё. Пыльное, с покосившейся нижней ступенькой.

Я достал с заднего сиденья дорожную сумку, вышел из машины и толкнул калитку на свою половину. Двор встретил меня тишиной. Я сделал несколько шагов по заросшей дорожке и остановился. Взгляд сам собой метнулся влево. К забору, разделяющему наш двор с двором Есени. Наша калитка была на месте. Старая деревянная щеколда проржавела, зелёная краска выцвела окончательно.

Я подошёл ближе и положил ладонь на шершавое дерево. Двадцать три года. Из них последние четыре я отчаянно пытался убедить себя, что это место больше не имеет надо мной власти.

Я закрыл глаза, и мне на секунду снова стало десять. Тот вечер я помнил до мелочей. За окном ливень. Я лежу в кровати, натянув одеяло до подбородка, и слушаю. Общая стена нашего большого дома была толстой, но крики пробивались сквозь неё. Отец снова проиграл. Мать кричала, что так больше не может. Отец огрызался. А я смотрел в потолок, до боли сжимая кулаки, и думал только об одном: *«Я отсюда уйду. Я сам буду зарабатывать. Я никогда ни от кого не буду зависеть»*. Утром в коридоре стояла мамина сумка. Она надевала куртку. Я вышел из комнаты и спросил: — Ты куда? Она даже не посмотрела мне в глаза. — Мне нужно ненадолго уехать, Елисей. Я скоро. Больше она не вернулась.

Именно тогда я усвоил главное правило в жизни: слова ничего не значат. Значат только действия. И деньги, которые ты заработал сам, чтобы никогда не оказаться в положении человека, который стоит с сумкой в коридоре и врёт собственному сыну.

Я убрал руку от забора. Поднялся на своё крыльцо. Ключ повернулся в замке со знакомым скрежетом. Внутри пахло пылью, застоявшимся воздухом и дешёвым табаком. Отца дома не было.

Бросив сумку в коридоре, я достал телефон, написал Есени, что приехал, и пошёл на кухню. Открыл окно, чтобы выветрить этот запах. На столе стояла немытая кружка, лежала пара смятых чеков и какой-то белый конверт. Я ответил на гневное сообщение Есени, сунул телефон в карман и взял конверт. На нём не было ни марок, ни адреса. Только имя отца, написанное синей ручкой. Конверт даже не заклеили.

Я вытащил сложенный вдвое лист формата А4. Развернул. Усмешка медленно сползла с моего лица.

Это был не банковский документ. Расписка, копия договора займа и уведомление от каких-то мутных кредиторов. Я вчитался в цифры. Ноль. Ещё ноль. Ещё нули. Сумма была такой, что у меня на секунду перехватило дыхание. Это было больше, чем мы с партнёром подняли на нашем автосервисе в Новосибирске за два года. Гораздо больше.

Но страшнее была последняя строчка. В качестве залога значилась *доля в праве собственности на недвижимое имущество*. Мой отец заложил свою половину дома. Срок возврата истек через месяц.

Я медленно опустился на стул. Лист бумаги в руках слегка дрожал. Они заберут дом. Не просто долю отца. Этот дом нельзя разделить физически, не разрушив конструкцию. И если наша половина отойдёт кредиторам, жизнь семьи Есении за стеной превратится в ад. Их заставят продать свою часть за бесценок, или подселят таких соседей, что они сбегут сами.

Я сжал челюсть так, что заныли зубы. Я вернулся, потому что неделю назад отец позволил мне пьяный и сказал, что «немного запутался». *Немного.* Я швырнул документы на стол. Встал, подошёл к окну и упёрся руками в подоконник. Я так отчаянно пытался сбежать отсюда. Я всё делал правильно: работал сутками, копил, открыл дело, нашёл Милану, снял хорошую квартиру. Выстроил вокруг себя стену из стабильности. А он просто взял и разрушил её одним росчерком ручки.

Я посмотрел через стекло на наш общий деревянный забор. На маленькую самодельную калитку. Я не могу просто развернуться и уехать. Не из-за него. Из-за тех, кто живёт за этим забором.

ЕСЕНИЯ

Вечером мой Барнаул остывал от суеты. Я шла по своей улице, чувствуя, как гудят ноги после девяти часов работы. В голове всё ещё крутились формулы окрашивания, но всё это отступало на второй план. Елисей вернулся.

Я открыла свои ворота. Из дома вкусно пахло жареной картошкой и чесноком. — Я дома! — крикнула я, скидывая куртку. — Елисей приехал, — тут же отозвалась мама, выглянув из кухни. — Знаю. Он мне писал. — Ты зайдешь к нему? — Угу. Переодеюсь только.

Стянув рабочую одежду, я вошла в любимые домашние джинсы и растянутую серую толстовку. Вышла во двор. Осенний воздух приятно холодил щёки. Я подошла к нашему забору. Деревянная щеколда поддалась с привычным скрипом. Я толкнула калитку и шагнула на чужую половину. Здесь было темно. У Елисея над входом давно перегорела лампочка, и дядя Витя так её и не вкрутил.

Поднявшись на покосившееся крыльцо, я не стала стучать — просто дёрнула ручку. Дверь поддалась. — Есть кто живой? — крикнула я в тёмный коридор. Из кухни вышел Елисей. В тёмной футболке, домашних штанах, босой.

Я замерла. Он изменился. По телефону это было не так заметно. А сейчас, стоя передо мной в узком коридоре, он казался шире в плечах, выше и как-то... твёрже. Лицо потеряло подростковую мягкость, скулы стали резче. Но глаза были те же. Умные, насмешливые, слишком внимательные.

— Привет, Лиса, — сказал он. — Привет, Лис, — выдохнула я.

Лис и Лиса. Мы придумали эти прозвища ещё в глубоком детстве, потому что оба были рыжеватыми, хитрыми и наши имена начинались на одну букву. Ему разрешалось называть так меня, а мне — его. Если кто-то другой пытался назвать его Лисом, он мог и в челюсть дать. Это было только наше.

Мы смотрели друг на друга секунду, а потом он шагнул вперёд и сгреб меня в охапку. Обнял крепко, по-медвежьи, отрывая от пола. Я рассмеялась, обхватив его за шею. От него пахло дорогой туалетной водой, лёгким запахом машинного масла и чем-то неуловимо знакомым. Из самого детства. — Поставь на место, придурок! — возмутилась я сквозь смех. Он аккуратно поставил меня на пол. — Всё такая же мелкая, — констатировал он, оглядывая меня сверху вниз. — А ты всё такой же хам. — Я скучал. — Я тоже.

Я ткнула его кулаком в плечо. — Нормальные люди предупреждают заранее. — Я нормальный. Просто спонтанный. — Ага. Спонтанно пропал на четыре года, спонтанно вернулся. Милана с тобой? Он на секунду отвёл взгляд. — Нет. Она в Новосибе. — Понятно. Надолго ты к нам? — Не знаю, — ровным тоном ответил он. — Посмотрим.

Я прищурилась. Я слишком хорошо знала этот тон. Он всегда говорил так, когда что-то скрывал. В детстве он точно так же отвечал «не знаю», когда разбил отцовскую фару. Но

допрашивать я не стала. Успеется. — Ладно. Мама велела без тебя не возвращаться. Пошли. Ужинать будешь. — Я у себя поем. — Лис, ты в своём холодильникемышь повесившуюся найдёшь, а не еду. Пошли, кому говорят.

ЕЛИСЕЙ

Мы прошли через калитку на её половину. Стоило нам зайти в их дом, как всё вокруг словно потеплело. Свет здесь был ярче, запахи — вкуснее. — Елисей! — тётя Света выбежала в коридор, на ходу вытирая руки о фартук. — Здравствуйте, тётъ Свет. Она обняла меня так, словно я был её собственным сыном, вернувшимся с войны. — Господи, Елисей, какой ты худой! Одни скулы торчат. Есения закатила глаза. — Мам, у него нормальные скулы. Просто он питается святым духом и амбициями. — Я нормально ем, — попытался защититься я. — Где? В ресторанах своих новосибирских? — не унималась тётя Света. — Садись давай. Дядя Боря сейчас выйдет.

Мы сели за стол. Я машинально занял своё старое место у окна. Есения села напротив. Она смотрела, как я беру кусок хлеба, как здороваюсь с её отцом, как отшучиваюсь от гиперопеки тёти Светы. Всё было так естественно, словно этих четырёх лет не существовало.

— Папка-то твой где? — спросил дядя Боря, наливая мне чай. Я чуть заметно напрягся, стараясь не выдать себя. — Не знаю, дядь Борь. Ещё не пришёл. — Понятно, — тяжело вздохнул он. В этом вздохе было слишком много невысказанного. Все всё понимали про моего отца. — Ну, ты кушай, кушай, — быстро перевела тему тётя Света. — Рассказывай, как там твой автосервис?

Я включился в разговор. Рассказывал про город, про работу, поддевал Есению, которая пыталась вставить свои едкие комментарии. Мы смеялись, звенели посудой. Тепло этой кухни буквально обволакивало.

Но внутри у меня всё стягивалось в тугую, холодный узел. *Они не знают*, — билась в голове мысль. Родители Есении сидели в своём доме, пили чай и даже не подозревали, что стена, к которой прислонён их холодильник, уже фактически принадлежит чужим людям. Что этот дом, их спокойная жизнь и даже наша с Лисой калитка — всё это висит на волоске из-за моего отца.

Я посмотрел на Есению. На её растрёпанный хвост, на то, как она щурится, когда смеётся над моей шуткой. Я уехал в девятнадцать, чтобы никогда не зависеть от чужих ошибок. А в двадцать три вернулся, чтобы понять: иногда чужие ошибки привязывают тебя к месту сильнее всего на свете. Я не уеду обратно через неделю. Теперь я знал это точно. Потому что, если этот дом рухнет, он рухнет прямо на неё. А этого я позволить не мог.

Глава 2. Цена побега.

Елисей

Я почти не спал. Старый диван в моей детской комнате казался коротким, пружины впились в ребра, а в голове непрекращающейся каруселью крутились нули из того конверта на кухне.

В семь утра я услышал, как хлопнула входная дверь. Отец вернулся.

Я встал, натянул джинсы и вышел в коридор. Он разувался, тяжело опираясь рукой о стену. Плечи опущены, куртка расстегнута, под глазами — темные, болезненные мешки. Ему было чуть за сорок, но сейчас он выглядел на все шестьдесят.

Он поднял глаза. Увидел меня. Замер. В его взгляде не было злости или вызова. Только бесконечная, липкая усталость и стыд, который он попытался скрыть за кривой усмешкой.

— Приехал всё-таки, — хрипло сказал он. — Как видишь. Я развернулся и пошел на кухню. Он тяжело пошагал за мной. Отец сел за стол, потер лицо ладонями. Я молча поставил перед ним стакан воды. Затем взял со столешницы тот самый белый конверт и бросил его на середину стола. Бумага скользнула по клеенке с тихим шелестом, который в утренней тишине показался оглушительным.

Отец посмотрел на конверт, но не притронулся к нему. — Значит, видел. — Видел, — ровно ответил я. Сел напротив и сцепил пальцы в замок. — Ты ничего не хочешь мне объяснить?

Он отвернулся к окну. За стеклом светало, начинался мелкий осенний дождь. — А что тут объяснять, Елисей... — Объяснять тут есть что. Например, сумму.

Отец обхватил стакан обеими руками. Пальцы у него слегка дрожали. Не было никакого злодея из дешевых сериалов. Передо мной сидел просто сломленный мужик, который когда-то учил меня чинить велосипед, а теперь не мог смотреть мне в глаза.

— Я думал, что отыграюсь, — тихо произнес он. Классическая фраза. Мантра каждого зависимого. — Сначала был небольшой минус. Решил перекрыть. Взял займ. Потом... потом всё как в тумане. У них там свои схемы, проценты капают каждый день. Я пытался перезанять, чтобы закрыть первый долг, но влез еще глубже. — И ты заложил свою долю дома. Он вздрогнул, словно я ударил его. — Они сами предложили. Сказали, просто формальность. Обычный залог для отсрочки.

Я нервно усмехнулся и потер переносицу. — Формальность. Пап, ты в своем уме? Это мутные конторы, которые работают на грани закона. Они забирают недвижимость за копейки. Ты понимаешь, что через месяц сюда придут люди с документами на выселение? Отец молчал, глядя в стакан. — Ты понимаешь, — мой голос стал жестче, — что стена, на которую ты сейчас смотришь, общая с дядей Борей и тетей Светой? Если ты отдашь эту половину, новые хозяева выживут их отсюда за полгода. Они устроят им ад.

Отец закрыл лицо руками. — Я знаю, сын. Я всё знаю. Я не хотел. Это «не хотел» резануло по нервам, как ножом. — Я разберусь, — сказал я, поднимаясь.

Я развернулся и ушел в свою комнату. Достал телефон и открыл банковское приложение. На счетах были деньги — моя доля из нашего с партнером небольшого бизнеса в Новосибирске. Я планировал расширяться, думал об ипотеке. Я сопоставил свои цифры с теми, что были в расписке отца.

Внутри всё похолодело. Этого не хватит. Даже если я выгребу все счета до копейки, я не закрою и половины. Я мысленно прикинул стоимость своей машины. Моя любимая «Тойота», в которую я вложил кучу сил и времени. Если продать ее срочно, немного ниже рынка... Я сложил цифры в уме. Всё равно остается огромная дыра. Проценты накрутили долг до небес.

Я опустился на край кровати, чувствуя, как наваливается тяжесть. Машину придется продать. Сбережения обнулить. И всё равно мне нужны деньги. Срочно. Много денег.

Я посмотрел в окно. Дождь усилился. На соседнем крыльце никого не было — Есения давно ушла в свой салон. Я должен найти в Барнауле работу. И прямо сейчас поехать к Артуру, владельцу крупного СТО на окраине, с которым мы пересекались пару лет назад. У меня руки растут из нужного места, мне нужен бокс, нужен процент и клиенты. Желательно, круглосуточно.

Около семи вечера я вернулся домой. Машина Лисы еще не приехала. Я переоделся в чистое, вышел на крыльцо и закурил, глядя на нашу деревянную калитку в заборе. В голове гудело от цифр и прикидок.

Через полчаса скрипнули соседние ворота. Есения. Я потушил сигарету и подошел к забору. Она вышла во двор в своей любимой огромной серой толстовке. Уставшая, волосы собраны в небрежный узел. Увидев меня, она сразу направилась к калитке.

Щеколда щелкнула. Есения шагнула на мою половину и тяжело прислонилась спиной к забору, запрокинув голову. — Убей меня, Лис, — выдохнула она. — Не могу. Твоя мама меня потом вкусно не накормит, — я встал рядом, привалившись плечом к доскам. — Что случилось? Клиентки выпили всю кровь? — Если бы. Она прикрыла глаза. — Егор? — ошибочно угадал я.

Лиса поморщилась и кивнула. Мы знали о личной жизни друг друга всё. По крайней мере, я знал, что она встречается с этим парнем уже полгода. Егор работал в каком-то банке, носил белые кроссовки даже в дождь и казался мне слишком... глянцевым для нее.

— Опять капает на мозги? — спросил я, разглядывая её профиль. В сумерках она казалась особенно хрупкой. — Да. Снова завел эту шарманку: «Давай съедемся, я снял классную квартиру ближе к центру, мы уже взрослые люди», — передразнила она его голос. — А ты?

Есения открыла глаза и посмотрела на свой дом. На светящееся окно кухни. — А я не хочу, Лис. Вот не хочу и всё. Я ему говорю: «Подожди, давай не торопить события». А он бесится.

Она замолчала, обхватив себя руками. Я знал её с пеленок. И я прекрасно понимал, почему Егор бесится. Шесть месяцев — приличный срок. Понятно, что они спят вместе, тут я иллюзий не питал — Лисе двадцать три, она красивая, взрослая девушка. Но одно дело — встречаться и ночевать друг у друга, а другое — отдать человеку свой быт, свой дом и свою свободу. Именно здесь она выстроила глухую стену. Она могла отдавать ему свое время, но на свою территорию не пускала.

— А чего ты боишься, Лиса? — тихо спросил я. Она резко повернула голову. В её зеленых глазах мелькнула паника. — Я не боюсь! Просто... ну зачем всё усложнять? У нас всё нормально. Мы встречаемся, гуляем. Зачем этот быт? — Нормально — это когда люди хотят засыпать и просыпаться вместе каждый день, — ляпнул я и тут же пожалел об этом.

Она не договорила. Закусила губу, поняв, что сказала слишком много. Я смотрел в её глаза и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Она была девчонкой, с которой мы ломали этот забор. Девушкой, которая в восемнадцать лет вдруг стала сниться мне в белом платье. И женщиной, которая могла делить постель с этим глянцевым Егором, но подсознательно наглухо закрыла от него свое сердце, потому что оно навсегда приколочено гвоздями к этому месту. Ко мне.

Глава 3. Сбой в матрице.

Есения

Сон обрушился на меня, как всегда, без предупреждения.

Никакой логики, никакой предыстории. Просто вспышка. Запах нагретого на солнце дерева. Ощущение тяжелой, гладкой ткани на моих ногах — что-то белое, похожее на платье. И рука. Большая, теплая мужская ладонь, которая крепко, но очень бережно сжимает мои пальцы. На моем безымянном пальце блестит обручальное кольцо. Я поднимаю голову, и жених улыбается мне. Это он. Лис. Мой лучший друг, который сейчас смотрит на меня совсем не как друг, и уж точно не как брат. В его взгляде столько нежности и собственнического, мужского тепла, что внутри меня разливается концентрированное, абсолютное счастье. Становится трудно дышать. Елисей тихо смеется. Звук низкий, до боли знакомый, родной...

Я резко распахнула глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось, лоб покрылся легкой испариной.

Я села на кровати и с силой потерла лицо ладонями. — Какой же бред, — прошептала я в пустоту темной комнаты.

Я потянулась к тумбочке и нажала на экран телефона. 03:14. Ночь со среды на четверг. Абсолютно обычная, случайная ночь.

Этот сон преследовал меня уже пять лет, с моих восемнадцати. Он никогда не снился регулярно. Мог пропасть на полгода, а мог заявиться два раза за неделю. Выходить замуж за друга детства? За парня, с которым мы в семь лет выламывали доски в заборе и кидались друг в друга яблоками? Это было настолько неправильно, настолько абсурдно, что я ни разу никому об этом не обмолвилась.

А уж тем более ему. Мысль о том, что Лис узнает, что он периодически снится мне в роли моего мужа, заставляла меня сгорать от стыда. Он бы просто поднял меня на смех. Или, что еще хуже, начал бы меня избегать.

Обычно я списывала этот сюрреализм на сбой в матрице своего мозга. А сегодня подсознание, видимо, решило подкинуть мне этот бред из-за того, что Лис вернулся. Отреагировало на стресс. Логично? Логично.

Я отбросила одеяло, спустила ноги на прохладный пол и пошла на кухню выпить воды. Не включая свет, я налила полный стакан из кувшина и подошла к окну.

Дождь давно закончился, над Барнаулом висело тяжелое, затянутое тучами небо. Наш двор тонул в темноте, только фонарь с улицы едва освещал мокрый деревянный забор, разделяющий наши участки.

Я сделала глоток. И в эту же секунду по ту сторону стены, разделяющей наши кухни, глухо скрипнула половица.

Я замерла со стаканом у губ. 03:17. А затем на мокрые доски нашего забора во дворе лег длинный, четкий квадрат желтого света. Елисей включил свет на своей половине дома, окно которой находилось всего в нескольких метрах от моего.

Мы не могли видеть друг друга. Наши окна смотрели в одну сторону — во двор. Но между нами была только толстая стена из старого бруса. Я стояла в темноте, затаив дыхание, и почти физически ощущала, как он стоит там, совсем рядом. Со скрипом приоткрылась соседняя форточка. До меня донесся тихий, сиплый звук — Лис тяжело выдохнул ночной воздух, пытаясь отдышаться, словно только что пробежал кросс.

Он тоже не спал. «Наверное, бессонница на новом месте», — подумала я, стараясь успокоить колотящееся сердце. Если бы я только знала, что прямо сейчас, за этой самой стеной, он пытался прийти в себя после того же самого «бредового» сна, от которого проснулся ровно в 03:14. Но я не знала. Я просто допила воду, задернула шторы и пошла спать.

Утро началось с настойчивого звонка в дверь. Я еще досушивала волосы феном в ванной, когда услышала мамин голос, а затем — уверенный баритон. Егор.

Я выключила фен, глубоко вдохнула и вышла в коридор. Егор стоял у вешалки в своем идеальном бежевом тренче. Мы встречались полгода, и иногда мне казалось, что он сошел со страницы каталога «Успешная жизнь для чайников».

— Привет, — он шагнул ко мне и жадно поцеловал. Поцелуй был уверенным, собственническим, но внутри у меня ничего не дрогнуло. Я машинально подставила губы, чувствуя вкус горького эспresso. — Привет. Ты рано. — Решил подвезти тебя до салона. Сюрприз.

Мы сели в его машину. Но вместо того, чтобы вырулить на асфальтированную дорогу в сторону центра, Егор вдруг свернул вглубь частного сектора. Туда, где начинался заброшенный пустырь, скрытый за зарослями старых кленов. — Егор, мне на работу... — начала я, но он уже заглушил мотор.

Он вышел из машины, обошел капот и распахнул мою дверь. Его глаза потемнели. Не говоря ни слова, он потянул меня на себя, заставив выйти, и сразу же прижал спиной к прохладному металлу капота. — Егор... — выдохнула я. — Я соскучился, — хрипло перебил он, впиваясь в мои губы.

Его руки уверенно скользнули под мою куртку, сминая ткань толстовки. В физическом плане у нас всё работало идеально — мое тело отзывалось на его прикосновения почти инстинктивно. Он прекрасно знал, что делает. Его горячие пальцы скользнули ниже, забираясь под пояс моих джинсов. Я судорожно выдохнула, откидывая голову назад.

Мы были на улице, почти у всех на виду, хотя пустырь и был безлюдным, и этот адреналин смешивался с нарастающим жаром. Его губы обжигали мою шею, а опытные, настойчивые пальцы уверенно и глубоко ласкали меня, доводя до дрожи. Я вцепилась в его плечи, чувствуя, как внутри натягивается струна. Еще несколько долгих, сводящих с ума движений — и меня накрыло ослепительной, горячей волной. Я застонала, кусая губы, чтобы не закричать, и безвольно привалилась к капоту, пытаюсь отдышаться.

Егор тяжело дышал, нависая надо мной. Его глаза лихорадочно блестели. Я знала, как сильно он меня хочет. Я провела рукой по его груди и спустилась ниже. Он был напряжен до предела, твердый, как камень, жаждущий своей очереди. Я почувствовала легкий укол вины: он довел меня до пика, а сам остался ни с чем. Я скользнула рукой по его ремню, поглаживая его через ткань брюк. Он судорожно выдохнул сквозь зубы. Я чуть отстранилась и подалась вниз, готовая расстегнуть пряжку и отплатить ему тем же...

— Есения... — хрипло выдохнул он, зарываясь пальцами в мои волосы. — Я вчера смотрел ту квартиру на Красноармейском. Давай сегодня внесем залог.

Мои пальцы на его ремне замерли. Как ушат ледяной воды на голову. Романтика, страсть, желание — всё это испарилось в одну секунду, разбившись о его слова.

Я медленно выпрямилась. Одернула толстовку. Егор моргнул, словно выныривая из транса, и непонимающе посмотрел на мои опущенные руки. — Что такое? — Ничего, — я поежилась, внезапно почувствовав утренний холод, и запахнула куртку. — Просто ты умеешь выбрать момент.

— Есения, ну мы же обсуждали это... — он попытался снова обнять меня, но я уперлась руками в его грудь, сохраняя дистанцию. — Мы обсуждаем это второй месяц, Егор! — Вот именно! — он тоже вспыхнул, разочарование от прерванной ласки моментально переросло в раздражение. Он отступил от меня на шаг, тяжело дыша. — Послушай. Нам по двадцать три. Мы вместе полгода. Я хочу засыпать и просыпаться с тобой. Я хочу нормальных отношений!

Под «нормальными отношениями» он имел в виду не только совместный быт. Я прекрасно это понимала. И то, что я только что снова его остановила, сводило его с ума. Я была девственницей. В двадцать три года. Но дело было не в строгих принципах. Просто каждый раз, когда дело доходило до главного, до полного слияния — внутри меня всё каменело. Мне

нравилось получать от него удовольствие, но пустить его *полностью* в себя, довериться до конца... Я не могла. Мой организм кричал: «*He on*».

— Я не готова переехать, — тихо, но твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Мне хорошо дома. — Твоя семья в соседней комнате, а между ними и тобой картонная стена! — сорвался он, взмахнув руками. — Есения, ты прячешься в этом своем частном секторе, как в бункере. Чего ты боишься?

Я обошла его и открыла пассажирскую дверь машины. — Отвези меня на работу, Егор. Я опаздываю. Он ударил кулаком по крыше машины, грязно выругался сквозь зубы, но сел за руль. Всю дорогу до салона мы молчали. Я знала, что он сейчас злится до зубовного скрежета — возбужденный, неудовлетворенный и отвергнутый. Я знала, что держать его на коротком поводке — нечестно. Но мысль о том, чтобы уехать из своего двора и делить с ним кровать, по-прежнему вызвала у меня приступ глухой паники.

Вечером я возвращалась домой пешком. Голова гудела после сложного окрашивания и болтовни клиенток. Я свернула на свою улицу и еще издали увидела черную тонированную «Тойоту», припаркованную прямо напротив ворот Елисея.

Я замедлила шаг. Рядом с машиной стояли двое. Один, в кожаной куртке, курил, облокотившись на капот. Второй, высокий и лысый, стоял у самой калитки Лиса. А напротив них, на крыльце, стоял Елисей.

Я не слышала, о чем они говорили, но поза Лиса кричала об опасности. Он стоял, широко расставив ноги, засунув руки в карманы джинсов, но весь подобрался, как пружина, готовая в любую секунду выстрелить. Лысый что-то сказал, ткнув пальцем в сторону нашего общего дома. Елисей сделал плавный шаг вниз по ступеням. Он произнес всего пару слов. Лысый скривился, сплюнул под ноги и кивнул второму.

Они сели в машину. «Тойота» медленно тронулась с места и проехала мимо меня, обдав запахом выхлопных газов.

Я подошла к своим воротам. Елисей всё еще стоял на крыльце, глядя вслед уехавшей машине. — Это еще кто такие? — громко спросила я, толкая нашу внутреннюю калитку в заборе и шагая на его территорию.

Он резко повернул голову. На секунду в его глазах мелькнуло что-то по-звериному дикое, но он тут же моргнул, и взгляд стал прежним — лениво-насмешливым. — Клиенты, — коротко ответил он. — С каких пор клиенты автосервиса выглядят так, будто приехали выбивать долги из девяностых? — я прищурилась, подходя ближе.

Лис спустился с крыльца и оперся предплечьями на верхнюю перекладину забора, разделяющего наши дворы. — У них специфический вкус на машины и на жизнь, Лиса. Не бери в голову. Как прошел день? Как там твой гляцевый принц?

Он виртуозно переводил тему. Всегда так делал, когда не хотел отвечать. — Мы поссорились, — вздохнула я, забывая про странных мужиков. Опираясь на Лиса в своих проблемах было слишком привычно. Я привалилась спиной к забору с другой стороны. — Он нашел квартиру. Снова требует, чтобы я переезжала.

Я спиной чувствовала, как Елисей повернул голову в мою сторону. — А ты? — А я отказалась. Снова.

Он долго молчал. В сгущающихся сумерках было тихо. — Знаешь, — вдруг низко произнес он, — если бы я любил девушку, и она не хотела бы ко мне переезжать, я бы просто купил дом по соседству с ней. А не заставлял ее ломать себя.

От его слов, от этого бархатного тембра голоса, у меня по спине вдруг пробежала горячая волна мурашек. Точно такая же, как во сне этой ночью, когда его рука касалась моей. Ужас и вина затопили меня с головой. Мой мозг снова подкинул мне образы Лиса в роли моего жениха.

Я сглотнула, внезапно испугавшись того, как сильно мне хочется обернуться и посмотреть ему в глаза. И того, что его слова прозвучали гораздо интимнее, чем всё, что Егор говорил мне за полгода.

— Ты... ты вообще не романтик, Лис, — нервно рассмеялась я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе, и поспешно отступила на шаг от забора. — Пойду ужинать. — Иди, Лиса. Иди, — эхом отозвался он.

Я развернулась и почти бегом пошла в дом. Я не знала, кто были эти люди на черной машине. Я не знала, почему у Елисея был такой тяжелый, темный взгляд. И уж точно я не хотела признаваться себе, почему моё тело так предательски реагирует на его голос. Я знала только одно: что-то огромное и необратимое уже надвигалось на наш дом, а мы почему-то упорно делали вид, что ничего не происходит.

Глава 4. Точка невозврата.

ЕЛИСЕЙ

Свою «Тойоту» я продал в четверг утром. Отдал перекупу на десять процентов ниже рынка, лишь бы получить наличные на руки прямо у капота. Я собирал эту машину по винтику, вложил в нее кучу времени, нервов и денег, но, когда подписывал договор купли-продажи, внутри ничего не дрогнуло. Железо есть железо.

Я закинул деньги на счет, добавил всё, что выгреб со своих вкладов в Новосибирске, и перевел кредиторам отца. А потом посмотрел на остаток долга на экране телефона и стиснул зубы.

Этого было мало. Проценты, которые накрутили эти ублюдки за последние месяцы, сожрали приличную часть моей суммы. Долг всё еще висел надо мной гигантской черной тучей. Чтобы закрыть его полностью до конца месяца и снять обременение с нашей половины дома, мне нужно было найти еще триста тысяч. Для Барнаула и для короткого срока — деньги огромные. Мне оставалось либо надеяться на чудо, либо работать так, чтобы забыть, как меня зовут.

Чудес я не ждал лет с десяти. Поэтому выбрал второе.

Артур, владелец крупного СТО на выезде из города, отдал мне крайний бокс. Мы были знакомы по старым делам, он знал, что руки у меня растут откуда надо, и вопросов лишних не задавал. — Условия стандартные, — сказал он, бросая мне ключи от шкафчика. — Работаешь на себя, мне процент за место и оборудование. Клиентов накину, если будешь успевать. — Буду, — коротко ответил я.

Я нырнул в работу с головой. Брал всё: от банальной замены колодок до переборки движков. Мазут въелся в кожу, спина к вечеру превращалась в один сплошной кусок ноющего бетона, но это было именно то, что мне нужно. Физическая усталость отлично глушила мысли. Она не давала мне думать о трехстах тысячах в долговых бумагах. И она не давала мне думать о том, почему в три часа ночи я просыпаюсь в холодном поту от того, что мне снится Есения в свадебном платье, а её губы на моих кажутся реальнее всего, что было в моей жизни.

В пятницу вечером я выгнал из бокса очередную отремонтированную «Мазду», вытер руки промасленной ветошью и вышел на улицу перекурить. Дождь лил как из ведра. Я стоял под козырьком, вдыхая запах мокрого асфальта и дешевого табака.

Телефон в кармане комбеза завибрировал. Я достал его, ожидая звонка от клиента, но на экране высветилось: «Макс (Новосиб)». Макс был моим хорошим приятелем. Мы вместе снимали гараж, когда я только приехал в Новосибирск.

— Здравова, Елисей, — голос у Макса был непривычно напряженным. Без обычных шуточек. — Привет. Что стряслось? Голос такой, будто ты труп в лесу закапываешь. В трубке повисла тяжелая пауза. На заднем фоне играла какая-то музыка, Макс явно был на улице.

— Слушай, брат... Я не знаю, как такие вещи говорить, — наконец выдавил он. — Короче, лучше я, чем кто-то другой. Ты только дров не наломай. Я затянулся сигаретой. Внутри всё было спокойно. Я уже знал, что услышу не про бизнес. — Говори, как есть, Макс.

— Я вчера в «Неоне» был. Ну, клуб наш в центре. Денис там тоже тусовался. И Милана твоя. Я молча выпустил дым. Денис был из нашей общей компании. Не то чтобы друг, скорее приятель, с которым пили пиво по выходным. — И? — ровно спросил я. — Они сначала у барной стойки терлись, потом в випку пошли. В отдельную комнату. Ну, я минут через двадцать сунулся туда, думал, сидят бухают, хотел зажигалку стрельнуть. Дверь не закрыта была... Макс снова замаялся. — Макс, не тани, — вздохнул я.

— Короче, Елисей, блядь... Я захожу, а она Денису отсасывает. Прямо на диване. Он меня увидел, глаза вытаращил. Я дверь сразу захлопнул и свалил. Он замолчал, явно ожидая, что я начну орать, бить стены или угрожать убийством.

А я стоял под козырьком барнаульского СТО, смотрел в серую лужу и чувствовал... ничего. Ни боли. Ни ревности. Ни обиды. Только глухое раздражение от того, что мне вообще приходится тратить на это время, и странное, почти кристальное чувство облегчения. Словно гнилую нитку, которая еще связывала меня с прошлой жизнью, только что окончательно перерезали.

Я не любил Милану. Никогда не любил. Я сошелся с ней полгода назад, потому что она была удобной, красивой и не лезла в душу. Зато в постели она была невероятно раскрепощенной, без всяких тормозов и комплексов. Буду откровенен с самим собой: именно своими умелыми минетами она меня к себе тогда и привязала. Мне просто хотелось создать в чужом городе свой островок иллюзорной стабильности, где всё горячо и приятно. Но, как говорится, чем привязала — тем и отвязала. И то, что сейчас произошло, было лишь закономерным итогом.

— Понял тебя, — спокойно сказал я. — Елисей? — Макс явно опешил. — Ты в порядке? Ты там не это... не вздумай срываться сюда и морду ему бить, из-за бабы еще под статью пойдешь! — Макс, выдыхай, — я усмехнулся. — Никому я морду бить не поеду. Денис мне не брат, а Милана мне не жена. Спасибо, что сказал. С меня коньяк, когда свидимся.

Я сбросил вызов, не дожидаясь его ответа. Выкинул окурочку в лужу. Нашел в контактах номер Миланы и нажал кнопку вызова. Она ответила после третьего гудка. — Да? Елисей? Привет! — её голос звучал бодро, чуть удивленно и с идеальной ноткой обиды, которую включают девушки, когда парень долго не звонил. — Привет. Я ненадолго. Звоню сказать, что за вещами не приеду. Всё, что в квартире — можешь оставить себе. Что не нужно — выкинь на помойку.

На том конце повисла звенящая тишина. — В смысле? — её голос дрогнул, фальшивая бодрость испарилась. — Ты о чем вообще? Ты не вернешься? — Не вернусь, — ровно подтвердил я. — И будь осторожнее по клубам. Денис парень, конечно, веселый, но мало ли что.

Я услышал, как она резко втянула воздух. — Елисей... это... это не то, что ты думаешь! — затараторила она, и в трубке послышались панические всхлипы. — Я была пьяная! Я ничего не понимала! Он сам ко мне пристал, клянусь! Пожалуйста, выслушай... — Милан, тормози, — холодно перебил я. — Мне плевать, пьяная ты была или трезвая. Я всё знаю. Не позорься и не придумывай оправдания. Просто расходимся.

Её всхлипы резко оборвались. Секунда — и паника сменилась яростью. Типичная защитная реакция. — Ах так?! Тебе плевать?! — взвизгнула она в трубку. — Да это ты во всем виноват! Ты бросил меня! Свалил в свой Барнаул спасать папашу-неудачника! Обещал, что на неделю, а сам торчишь там непонятно сколько! Оставил меня одну! Я живая, вообще-то, мне нужно внимание!

Я слушал эту истерику, прислонившись затылком к холодной кирпичной стене СТО. Никакой злости. Просто медицинский факт: как хорошо, что я узнал это сейчас, а не через пару лет.

— Я уехал решать проблемы, Милана, — так же спокойно и ехидно произнес я, когда она выдохлась. — И если за пару недель без моего внимания тебе понадобилось отсосать моему приятелю в подсобке дешевого клуба, то нам с тобой точно не по пути.

— Пошел ты, Елисей! Да ты вообще никого любить не умеешь! Ты ледяной ублюдок! — заорала она.

Я нажал кнопку отбоя. Убрал телефон в карман. Тишина после её криков казалась оглушительной. Дождь монотонно барабанил по лужам. *Ледяной ублюдок.* Я криво улыбнулся. Если

бы она знала, как этот «ледяной ублюдок» горит каждую ночь от одного только запаха яблочного шампуня, который остается в воздухе, когда Лиса отходит от нашего забора.

Я вернулся в бокс. Новосибирск был вычеркнут окончательно. Машина продана. Мосты сожжены. У меня не осталось ни пути к отступлению, ни желания отступить.

Я взял гаечный ключ и полез под очередную машину. До конца месяца оставалось чуть больше трех недель, и мне нужно было где-то достать эти триста тысяч.

Глава 5. Общий долг.

ЕСЕНИЯ

Октябрь в Барнауле не умеет быть мягким. Он наступает резко, срывая желтые листья холодным ветром и заставляя кутаться в объемные свитера.

Был мой законный выходной. Я сидела на кухне в теплых вязаных носках, пила горячий чай и смотрела в окно. Ветер гнул ветки нашей старой яблони, по крыше барабанил мелкий, колючий дождь. Лиса не было видно со вчерашнего дня — его половина дома стояла темной, а на месте, где он обычно парковал свою любимую «Тойоту», зияла пустая лужа.

Папа возился в коридоре с каким-то инструментом, мама пекла пирожки с капустой. Пахло уютom, домom и спокойствием.

А потом в нашу калитку — не внутреннюю, а ту, что выходила на улицу, — тяжело и нагло забарабанили. Не постучали, а именно застучали так, словно собирались вынести ее с петель.

— Кого там несет в такую погоду? — проворчал папа, откладывая отвертку и накидывая куртку. Я нахмурилась. Интуиция неприятно кольнула где-то под ребрами. Я поставила кружку, набросила свой длинный серый кардиган и вышла на крыльцо следом за отцом.

Папа открыл калитку. На улице стояли двое. Я узнала их мгновенно. Черная тонированная машина у обочины, кожаная куртка и высокий лысый мужик. Те самые, с которыми Лис пару дней назад разговаривал у своего крыльца.

— Борис Николаевич? — лысый осклабился, глядя на моего отца. Папа нахмурился, загораживая собой проход. — Допустим. А вы кто такие?

— Да мы так, будущие соседи, — мужик сунул руки в карманы и по-хозяйски заглянул через папино плечо в наш двор. — Присматриваемся к недвижимости. Домик-то у вас на два хозяина, верно? Общая стеночка. Фундамент один.

Внутри у меня всё похолодело, но следом за страхом мгновенно вспыхнула ярость. Октябрьский ветер забрался под кардиган, но мне стало жарко.

— Чего надо? — грубо спросил папа, сжимая кулаки. Ему было за пятьдесят, но он всю жизнь проработал на заводе, и кулаки у него были пудовые. — Да мы просто предупредить по-соседски, — хмыкнул второй, в кожанке. — Сосед ваш, Виктор, долю свою нам заложил. И сроки горят. Так что через месяцок мы тут будем ремонт делать. Стенку, может, сносить начнем. Шумно будет, грязно. Вы бы подумали о переезде, Борис Николаевич. За бесценку вашу половину заберем, так и быть, чтобы вам не мучиться.

Папа побледнел, а потом сделал шаг вперед, явно намереваясь спустить этих двоих с лестницы.

— Пап, стой! — я выскочила из-за его спины, протиснулась вперед и встала прямо перед лысым. Мужик смерил меня сальным, насмешливым взглядом. — О, какие люди.

Я схватила тяжелую металлическую лопату для снега, которая с прошлой зимы стояла прислоненной к забору, и с размаху ударила черенком по деревянной створке ворот. Звук получился хлестким, как выстрел. Мужики инстинктивно отшатнулись.

— Значит так, — мой голос звенел от злости, я смотрела прямо в глаза лысому, не моргая. — Это частная собственность. И если вы еще раз подойдете к этой калитке ближе, чем на два метра, я вам эту лопату об хребет сломаю. А потом вызову полицию за угрозы и вымогательство. У нас тут, в частном секторе, камеры на каждом столбе. Пошли вон отсюда.

Лысый перестал улыбаться. — Борзая какая. Ты бы за языком следила, девочка. — А ты бы за ногами следил, пока целые, — я перехватила черенок поудобнее. Сибирская кровь и двадцать три года жизни на этой улице давали о себе знать. — Я сказала — пошли вон!

Мужик в кожанке сплюнул на асфальт и дернул лысого за рукав. — Пошли. Смысла нет. Лысый развернулся к машине, но напоследок бросил через плечо: — Ты своему хахалю, Елисею, передай. Мы его «Тойоту» засчитали, так уж и быть. Но триста косарей до конца месяца всё равно висят. Не принесет — мы вернемся. И лопата не поможет.

Они сели в машину и с визгом покрышек рванули по мокрому асфальту.

Я осталась стоять у открытой калитки. Лопата со звоном выпала из моих ослабевших пальцев. Папа тяжело дышал позади меня. — Есения... это что сейчас было? Витя что... дом заложил?

Я не ответила. Слова лысого бились в голове пульсом. *Его «Тойоту» мы засчитали. Триста косарей.*

Елисей продал машину. Свою любимую машину, которую собирал своими руками, которую полировал каждые выходные и в которой катал меня по ночному городу. Он продал её, чтобы закрыть долг отца. И этого не хватило. Триста тысяч. Огромные, неподъемные для автомеханика за три недели деньги.

И он молчал. Ни слова мне не сказал. Делал вид, что всё под контролем. *«Никто тебя из твоего дома не выгонит. Я не позволю».*

У меня защипало в глазах. — Пап, иди в дом. «Я сейчас», — хрипло сказала я, закрыла засов на уличной калитке и побежала в свою комнату.

Я рухнула на кровать и достала телефон. Открыла банковское приложение. *Накопительный счет: 320 000 рублей.*

Я копила эти деньги три года. Откладывала с каждой зарплаты, брала дополнительные смены в салоне, отказывала себе в шмотках и поездках. Это была моя мечта. Я хотела арендовать небольшое помещение в центре, купить кресла, зеркала, профессиональные мойки. Открыть свою маленькую студию. Это был мой билет в независимость.

Я смотрела на цифры на экране. А потом перевела взгляд на окно. На нашу калитку в заборе.

Если они заберут дом, моя семья окажется в аду. Мои родители лишатся места, которое строили всю жизнь. А Лис... Лис надорвется на этом своем СТО. Какого черта мне сдалась эта парикмахерская, если я не смогу вечером выйти во двор и постучать в соседнее окно? Чего стоит моя мечта, если человек, который снится мне по ночам в строгом костюме жениха, останется один на один с этой грязью?

Ответ был очевиден. Для меня вообще не существовало выбора.

Я быстро оделась, натянула джинсы и теплую куртку. Схватила паспорт. — Мам, я в банк! — крикнула я в коридор. — Куда?! Выходной же! Погода дрянь! — донеслось из кухни. Но я уже хлопнула дверь.

До вечера я места себе не находила. Пачка наличных, туго стянутая резинкой, лежала в кармане моей куртки, оттягивая ткань. Я не стала переводить их на карту, знала, что Лис может просто отправить их обратно. Наличку вернуть сложнее.

Около восьми часов вечера я услышала, как скрипнула его уличная калитка. Машины не было, он пришел пешком. Я выскочила во двор.

Дождь кончился, но ветер пробирал до костей. Я толкнула нашу внутреннюю калитку и вошла на его территорию. Лис сидел на ступеньках своего крыльца. В грязном рабочем комбинезоне, с черными от мазута руками. Он даже не переоделся, просто курил, глядя в одну точку. Выглядел он так, словно по нему проехался каток. Под глазами залегли темные тени, скулы заострились еще сильнее.

Услышав скрип дерева, он поднял голову. Увидел меня. И попытался натянуть на лицо ту самую фирменную, насмешливую ухмылку. — Привет, Лиса. Чего без шапки? Простынешь.

У меня задрожал подбородок. Я подошла к нему вплотную. Он сидел на ступеньке, и наши лица оказались почти на одном уровне. — Почему ты мне не сказал? — тихо спросила я.

Он затаился, выпустил дым в сторону. — О чем? — Не делай из меня идиотку, Елисей. Сегодня к папе приходили твои... клиенты.

Лис замер. Сигарета в его пальцах дрогнула. Ухмылка слетела с его лица, как сорванная маска, оставив только чистую, первобытную ярость. Он медленно поднялся. — Они приходили к вам? Что они сказали? Они тронули дядю Борю?! — Никого они не тронули. Я прогнала их лопатой, — я шмыгнула носом, пытаюсь сдержать злые слезы. — Они сказали, что ты продал машину. И что долг всё еще триста тысяч.

Лис отвернулся и глухо выругался в темноту. — Я убью их, — процедил он сквозь зубы. — Я же сказал им не лезть к вам. Я всё закрою... — Когда?! Когда ты закроешь, Лис?! — я не выдержала и ударила его кулаками в грудь. — Ты пашешь сутками! Ты продал свою машину! Ты решил тут умереть на этом СТО из-за своего отца?! Почему ты всегда всё тащишь один?!

Он перехватил мои запястья своими большими, шершавыми руками. Мазут испачкал рукава моей куртки, но мне было плевать. — Потому что это мое дерьмо, Есения! — впервые за долгое время он сорвался на крик, его глаза горели в полумраке. — Мой отец, мои долги! Я не позволю, чтобы из-за моей фамилии ваша семья лишилась дома!

— Это и наш дом тоже! — крикнула я в ответ, глядя прямо в его почерневшие от усталости и злости глаза. — И ты — наш!

Мы стояли так близко, что наши дыхания смешивались. Его грудь тяжело вздымалась. Он сжимал мои запястья так крепко, словно боялся, что, если отпустит, я исчезну.

Я вырвала руки. Залезла в карман куртки, достала толстую пачку пятидесятирублевых купюр и с силой впечатала их ему в грудь. Елисей инстинктивно подхватил деньги, чтобы они не упали в грязь. Он опустил глаза. Посмотрел на пачку. Потом на меня.

— Это что? — его голос вдруг сел. — Триста двадцать тысяч, — отчеканила я, стирая тыльной стороной ладони злые слезы со щек. — Иди завтра и закрой этот чертов долг.

Лис побледнел. В тусклом свете фонаря было видно, как напряглись желваки на его лице. — Лиса... нет. — Да. — Это твои деньги на салон. «Ты три года их собирала», — он протянул пачку обратно. Его рука чуть заметно дрожала. — Я не возьму. Забери.

— Нет! — я отступила на шаг. — Послушай меня, Елисей. Ты можешь строить из себя гордого одинокого волка сколько угодно. Но если эти ублюдки заберут наш дом, мне не нужен будет никакой салон! Мне не нужны эти деньги, если ты здесь сдохнешь от работы! Мы отдадим этот долг вместе.

Он стоял с деньгами в руках, и я видела, как в нем ломается что-то огромное, глухое и непробиваемое, что он выстраивал вокруг себя с десяти лет. Правило «ни от кого не зависеть» трещало по швам.

— Есения... — хрипло выдохнул он. Шагнул ко мне. — Я верну. Слышишь? До копейки. — Знаю, — я снова шмыгнула носом, пытаюсь унять дрожь в голосе. — А пока можешь считать, что я купила у тебя абонемент на починку моей старенькой развалюшки на сто лет вперед.

Он не улыбнулся. Он просто уронил деньги куда-то на ступеньку, сделал еще один шаг и прижал меня к себе. Так крепко, что у меня хрустнули ребра. Я уткнулась носом в его грязный комбинезон, вдыхая запах бензина, дождя и сигарет. Он зарылся лицом в мои волосы, тяжело и прерывисто дыша.

Мы стояли в темноте октябрьского вечера, посреди старого двора. И в этот момент, в его отчаянных, почти судорожных объятиях было столько интимности и голой, незащитной искренности, сколько не было ни в одном самом страстном прикосновении Егора.

Я закрыла глаза, чувствуя, как бьется его сердце под моей щекой. Мой салон исчез. Мои накопления испарились. Но почему-то я никогда в жизни не чувствовала себя такой богатой, как сейчас.

Глава 6. Иллюзия близости.

ЕСЕНИЯ

Егор ждал меня после работы. Его белая иномарка стояла у входа в салон. Когда я вышла на крыльцо, кутаясь в осеннюю куртку, он вышел из машины с огромным букетом красных роз. Выглядел он виноватым, идеальным и... абсолютно чужим.

— Привет, — он протянул мне цветы. — Есения, прости меня за вчерашнее. Я был идиотом. Вспылил, наговорил лишнего. Поехали ко мне? Я заказал ужин. Давай просто спокойно поговорим.

Я смотрела на эти идеальные розы и чувствовала глухую усталость. Последние сутки вымотали меня до предела: угрозы кредиторов, продажа машины Лиса, отданные деньги. У меня не было сил на новые конфликты. — Хорошо, — тихо согласилась я, садясь в машину.

Квартира Егора на Красноармейском была похожа на номер в дорогом отеле: минимализм, идеальная чистота, панорамные окна с видом на огни вечернего Барнаула. Мы даже не успели дойти до кухни.

Едва закрылась входная дверь, Егор прижал меня к стене. Букет полетел куда-то на тумбочку. Его поцелуй был жадным, отчаянным, полным извинений и нерастратченного со вчерашнего дня желания. В этот раз он не собирался останавливаться на полумерах. Он подхватил меня на руки и понес в спальню.

Мы рухнули на широкую кровать. Егор действовал быстро и решительно. Он стянул с меня куртку, затем свитер, нетерпеливо расправился с застежкой джинсов. Через минуту я осталась абсолютно обнаженной на темных шелковых простынях. Мое тело откликнулось привычно и безотказно. Физическая химия между нами всегда работала как часы.

Его губы жадно спустились ниже, обжигая шею, ключицы. Он накрыл ладонями мою грудь, сминая её, а пальцы собственнически сжали и чувствительно потянули затвердевшие соски. Я судорожно выдохнула, запрокидывая голову.

Он опустился на колени у края кровати, раздвигая мои бедра. Жар его губ и влажные, дразнящие движения языка заставили меня выгнуться дугой. Он виртуозно ласкал меня, теребя клитор языком, чередуя мягкие касания с жестким, сводящим с ума давлением.

— Какая же ты сладкая... — хрипло прошептал он, на секунду отрываясь от меня. Его глаза лихорадочно блестели в полумраке. — Такая узкая. Ты ждешь меня, Есения. Я так хочу нырнуть в тебя... до самого конца.

Его пальцы скользнули ниже, пытаясь проникнуть на запретную территорию, раздвинуть те границы, которые я всегда глухо обороняла. Мое тело мгновенно напряглось. Бетонный блок внутри рухнул на место. *«Нет. Только не он».*

Я перехватила его запястье, тяжело дыша. — Нет, Егор, — выдохнула я, с трудом фокусируя взгляд. — Не нужно. Давай оставим всё... на безопасном уровне. Только так.

Он глухо, раздраженно зарычал, утыкаясь лбом в мои бедра, но спорить не стал. Его собственное возбуждение было на пределе, он был натянут как струна. Не прерывая горячих ласк языком, доводящих меня до дрожи, и продолжая болезненно-сладко щипать мои соски, он расстегнул свой ремень, освобождая твердый, пульсирующий член.

Я видела сквозь полуприкрытые веки, как его рука обхватила собственную плоть. Он начал быстро и жестко удовлетворять себя, отчаянно ища разрядки, пока его рот продолжал терзать меня. И в этот момент я поймала себя на ужасающей мысли: *я ничего к нему не чувствую*. У меня не возникало ни малейшего желания видеть или чувствовать его член рядом со своим телом, не говоря уже о том, чтобы пустить его в себя. Я хотела только одного — кончить, чтобы это невыносимое физическое напряжение наконец лопнуло и всё закончилось.

Я протянула руку вниз. Накрыла его пальцы своими, перехватывая инициативу. Я плотно обхватила его горячий член, задавая уверенный, скользкий ритм, просто чтобы помочь ему поскорее закончить. Он застонал, его движения стали рваными. И в этот момент меня саму накрыло ослепительной волной. Я вскрикнула, впиваясь ногтями в подушку, а Егор глухо выдохнул сквозь зубы, содрогаясь в мощной разрядке в моей руке.

Он без сил рухнул рядом со мной, тяжело дыша. В спальне повисла тишина, нарушаемая только нашим прерывистым дыханием. Физически всё было идеально. Мы оба получили потрясающую разрядку, адреналин всё ещё гулял по крови.

Но почему мне так хотелось плакать? Где было то самое чувство абсолютного счастья и защищенности из моего сна? Почему, лежа полностью обнаженной в постели с парнем, который только что довел меня до двойного оргазма, я чувствовала себя такой бесконечно одинокой и грязной?

Егор повернул ко мне голову. На его губах играла самодовольная, ленивая улыбка. — Это было... потрясающе, — выдохнул он, убирая прилипшую прядь с моего лба. — Видишь, Есения? Нам так хорошо вместе. Мы идеально подходим друг другу.

Я натянула на себя край одеяла, внезапно почувствовав ледяной холод. — Да. Физически, — тихо ответила я.

Улыбка медленно сползла с его лица. — Что это значит? — Это значит, Егор, что кроме постели у нас ничего нет, — я села, подтягивая к себе разбросанную одежду. — Тебе не интересно, как прошел мой день. Тебе не интересно, почему у меня глаза на мокром месте. Ты привез меня сюда, чтобы доказать, что мы отличная пара, потому что мы умеем доводить друг друга до оргазма.

— А разве этого мало?! — он резко сел, его голос сорвался, раздражение вспыхнуло с новой силой. — Я не даю тебе с главным, я терплю твои загоны! Я делаю всё, чтобы тебе было хорошо! Что тебе еще нужно?! Чтобы я переехал в этот твой деревянный сарай с удобствами во дворе?! Есения, очнись! Я предлагаю тебе нормальную жизнь в центре, а ты цепляешься за свои трущобы!

Эти слова ударили наотмашь. *Трущобы. Сарай.* Мой дом. Место, за которое Лис готов был умереть, место, где мои родители пекли пироги. — Мой дом — не трущобы, — мой голос зазвенел от ледяной злости. Я быстро натянула джинсы и свитер. — И мне не нужна твоя «нормальная» жизнь.

— Есения, прекрати истерику! — Егор схватил меня за запястье. — Мы только что... всё же было отлично! Почему ты всё портишь?! — Потому что я ничего к тебе не чувствую, Егор! — выкрикнула я, вырывая руку. — Кроме физики — ничего! Я не хочу с тобой жить. Не хочу здесь просыпаться. И больше не хочу делать вид, что у нас есть будущее.

Я схватила куртку и выбежала в коридор. — Есения! — рявкнул он мне вслед, но я уже захлопнула за собой тяжелую входную дверь.

Я спустилась на лифте и выскочила на осеннюю улицу. Ветер ударил в лицо, выбивая слезы. Меня трясло то ли от холода, то ли от адреналина после ссоры. Всё было кончено. Мы поругались вдребезги. Окончательно.

Я вызвала такси. Всю дорогу до своего района я смотрела в окно, чувствуя себя опустошенной. Иллюзия близости рассеялась, оставив после себя только горький привкус разочарования.

Такси остановилось у начала моей улицы. Я дошла до своих ворот и толкнула калитку. Наш двор был залит желтым светом фонаря. И первое, что я увидела — разобранный на домкрате мой старенький красный «Ниссан».

Из-под машины торчали длинные ноги в грязном, рабочем комбинезоне. Лис. У него был единственный выходной. Он только утром отдал бандитам деньги, которые я ему всу-

чила, закрыл этот страшный долг. Он должен был спать убитым сном. А он лежал на холодном асфальте под моей развалюхой, меняя мне колодки.

Я замерла посреди двора. Контраст был настолько чудовищным, что у меня перехватило дыхание. Идеальная чистота квартиры Егора, пустые разговоры о будущем и механический секс, после которого хочется отмыться. И грязный двор, запах мазута, старый забор и парень, который молча чинит мне тормоза просто потому, что я могу разбиться.

Лис, видимо, услышал мои шаги. Он выкатился из-под машины, вытирая черные руки промасленной тряпкой. Увидел меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, по растрепанным волосам, по покрасневшим глазам и припухшим губам.

Он всё понял. Понял, откуда я приехала и что там было. Его челюсть сжалась так, что побелели скулы, но он не произнес ни слова упрека.

— Привет, Лиса, — его голос был хриплым и низким. Он бросил тряпку на капот и кивнул на колесо. — Тормоза я тебе сделал. Стойки еще поживут. Как прошел день?

Я смотрела на мазутные пятна на его лице, на его усталые, такие родные черные глаза, и чувствовала, как внутри рушится последняя стена. — Мой день был дерьмовым, Лис, — прошептала я, и слезы всё-таки брызнули из глаз. Я сделала шаг к нему, уткнулась носом в его грязное плечо и заплакала.

Он замер всего на секунду, а потом его огромные, тяжелые руки обвили меня, прижимая к себе с такой силой, словно он пытался спрятать меня от всего мира. От Егора, от кредиторов, от моих собственных ошибок. Он пах бензином, холодом и табаком. И я поняла, что больше нигде и никогда я не захочу быть. Только здесь.

Глава 7. За приоткрытой дверью.

ЕСЕНИЯ

Я не знаю, сколько мы простояли вот так, посреди холодного октябрьского двора. Его объятия были надежнее бетонных стен. Я плакала, уткнувшись в его грязное, пахнущее машинным маслом плечо, и с каждой пролитой слезой чувствовала, как из меня выходит вся та фальшь, в которой я жила последние полгода.

Наконец, Лис мягко отстранил меня, заглянув в глаза. — Иди домой, Лиса. Скидывай куртку и под горячий душ, пока не заболела, — его голос был хриплым, но спокойным. — А потом приходи ко мне. Я заварю чай. Я шмыгнула носом и кивнула.

Моя половина дома встретила меня тишиной. Родители уже спали — папе завтра нужно было рано вставать на смену. Я скинула испачканную мазутом куртку в коридоре, разулась и прошмыгнула в ванную.

Я включила воду почти на максимум, чтобы она обжигала кожу. Стоя под упругими струями, я яростно терла себя мочалкой, словно пыталась смыть не только сегодняшний холод, но и прикосновения Егора. Квартира на Красноармейском, смятые шелковые простыни, мои стоны — всё это казалось теперь каким-то дурным, грязным сном.

Я выключила воду. Старая советская вытяжка под потолком монотонно и громко гудела, забирая клубы пара. Я не стала сразу вытираться. Просто подошла к раковине и провела ладонью по запотевшему зеркалу, стирая влагу.

На меня смотрела девушка с растрепанными, мокрыми волосами и покрасневшими глазами. В ванной было зябко. По моей обнаженной коже скатывались капли воды, прочерчивая дорожки по ключицам, ложбинке между грудей и изгибам бедер. От прохладного воздуха и влаги моя грудь отозвалась мгновенно: чувствительные соски затвердели, превратившись в тугие, темные бутоны.

Я смотрела на свое отражение, на свое обнаженное, вздрагивающее от озноба тело, и чувствовала глухую злость на саму себя. Как я могла позволить Егору так далеко зайти? Как могла спать с ним, стонать под его руками, позволяя ему трогать себя вот так, интимно и откровенно, если внутри было абсолютно пусто? Мое тело просто реагировало на механические ласки, как настроенный инструмент, но мое сердце оставалось ледяным. Я просто обманывала себя, пытаясь сыграть в «нормальные взрослые отношения», в то время как душа отчаянно рвалась обратно. В этот дом. К человеку за стенкой.

Я опустила голову, тяжело опершись руками о края раковины, и закрыла глаза. Гудящая вытяжка заглушала все звуки в доме.

ЕЛИСЕЙ

Обычное туалетное мыло мазут не брало. Я стоял над раковиной в своей ванной и зло тер руки щеткой, но черная въевшаяся грязь не сходила, только размазывалась по костяшкам. Мне нужна была специальная абразивная паста. Та самая, которую дядя Боря приносил с завода и всегда держал у себя под раковиной.

Я накинул чистую футболку и прямо в трениках вышел во двор. В окнах соседей горел только свет в коридоре и в ванной. Входная дверь была не заперта — в нашем частном секторе это было нормой. Я тихо шагнул в прихожую. Из спальни доносился мерный храп дяди Бори.

Я на цыпочках прошел по коридору к ванной. Дверь была приоткрыта на пару ладоней — видимо, Лиса не стала закрывать её до щелчка из-за сломанной защелки, или чтобы выпустить пар. Внутри громко, как трактор, гудела старая вытяжка. Шум воды уже стих.

Я поднял руку, чтобы легонько постучать и спросить разрешения зайти за пастой, но... замер. Сквозь приоткрытую щель мне было идеально видно большое зеркало над раковиной.

А в зеркале была она. Абсолютно обнаженная.

Моя рука так и зависла в воздухе. Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в такой бешеный галоп, что застучало в ушах. Я не мог отвести взгляд. Я словно прирос к полу.

Есения стояла спиной к двери, опираясь руками о раковину, но зеркало безжалостно, в мельчайших деталях отражало её фигуру. Влажная, покрасневшая после горячей воды кожа. Тонкая талия. Идеальная, высокая грудь, тяжело вздымающаяся от дыхания. Её соски от прохлады в ванной затвердели, дерзко торчали вперед, и от этого зрелища у меня перехватило дыхание, а кровь мгновенно отлила от головы вниз. Низ живота скрутило таким тугим, болезненным узлом желания, что я непроизвольно сжал кулаки до хруста.

Капля воды сорвалась с её мокрых волос, скатилась по изгибу шеи, прочертила дорожку по груди и повисла на затвердевшем соске. Блядь.

Я должен был отвернуться. Должен был тихо уйти. Но я смотрел на нее, как изголодавшийся зверь, и не мог заставить себя сделать ни шагу. Это была Лиса. Моя Лиса, с которой мы ломали заборы. Но сейчас передо мной стояла роскошная, желанная женщина. Та самая, которая снилась мне ночами в белом платье, сводя меня с ума. И она была невероятной.

Она вдруг открыла глаза и посмотрела на свое отражение. На её лице не было расслабления. Только какая-то глубокая, горькая грусть. Я знал, о чем она думает. Она думала об этом глянцево-ублюдке Егоре. О том, что он делал с этим идеальным телом. Ревность, горячая и едкая, как кислота, плеснула мне прямо в мозг.

Мои пальцы легли на край двери. Одно движение — и я войду. Шагну к ней, прижму её мокрую, обнаженную спину к своей груди, зарюсь лицом во влажные волосы и просто возьму то, что принадлежит мне по праву. Заставлю её забыть обо всех ублюдках на свете. Я так отчаянно хотел коснуться губами её шеи, сжать в ладонях эту тяжелую грудь, почувствовать, как эти затвердевшие соски трутся о мои ладони...

Мое дыхание стало тяжелым и прерывистым. Вытяжка гудела, скрывая мое присутствие, но я понимал, что еще секунда — и я сорвусь.

Я зажмурился. Стиснул зубы так, что заболели челюсти. *Не сейчас. Только не так.* Она разбита. Ей нужен друг, а не изголодавшийся мужик, который набросится на нее прямо в родительской ванной.

Сделав над собой титаническое усилие, я отпустил дверь. Бесшумно, как тень, отступил назад по коридору. Вышел на крыльцо и прикрыл за собой входную дверь.

Октябрьский ветер ударил в лицо, но он не мог остудить тот пожар, который полыхал у меня внутри. Я стоял на крыльце, тяжело дыша, и смотрел на свои дрожащие руки. Мои джинсы стали катастрофически тесными.

Я вернулся на свою половину дома. Помыл руки обычным мылом, стерпел грязные разводы на костяшках. Поставил чайник.

Через пятнадцать минут в мою дверь постучали. Есения вошла на кухню. На ней был безразмерный серый свитер, скрывающий фигуру, и старые домашние штаны. Волосы заматаны в полотенце. — Чайник вскипел? — тихо спросила она, усаживаясь за стол и подтягивая колени к подбородку.

Я смотрел на этот огромный, уютный свитер, но перед моими глазами стояло запотевшее зеркало, капли воды на её коже и эти сведенные от холода, дерзкие соски. Я сглотнул, чувствуя, как желание снова бьет по нервам.

— Вскипел, — хрипло ответил я, отворачиваясь к плите, чтобы она не увидела моих глаз. — Будешь с ромашкой или черный?

Она даже не подозревала, что последние пятнадцать минут я балансировал на грани того, чтобы разнести её жизнь в щепки. И она не знала, что с этого вечера правила игры изменились окончательно. Я больше не собирался быть просто её другом.

Глава 8. Смещение фокуса.

ЕСЕНИЯ

На кухне Лиса пахло заваренной ромашкой и почему-то успокаивающим запахом древесной стружки.

Я сидела за столом, подтянув колени к груди и спрятав руки в длинных рукавах огромного свитера. Мокрая после душа голова была замотана в полотенце. Впервые за эти безумные сутки я чувствовала себя в абсолютной безопасности. Елисей стоял у плиты, прислонившись бедром к столешнице. На нем были простые серые спортивные штаны и черная футболка. Волосы влажные — видимо, он тоже успел сунуть голову под кран, смывая мазут.

— Как там у Артура на СТО? — тихо спросила я, делая глоток горячего чая. Кружка согревала озябшие пальцы. — Сильно гоняет? Лис пожал плечами, делая глоток из своей кружки. — Нормально. Работы валом. Артур мужик нормальный, лишних вопросов не задает. Половина Барнаула, кажется, решила переобуть резину и перебраться ходовку именно на этой неделе.

Я кивнула, глядя на его руки. Костяшки были сбиты, под ногтями всё еще виднелась темная каемка, которую не брало никакое мыло. — Лис... — я замялась, глядя в кружку. — А что теперь? Ты останешься здесь? А как же твой бизнес в Новосибирске? И... Милана? Она же, наверное, ждет тебя. Вы всё-таки полгода вместе жили.

Елисей посмотрел на меня поверх кружки. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, даже расслабленным. — Бизнес я продал партнеру. А Милана меня не ждет. Мы расстались.

Я поперхнулась чаем. Закашлялась, прижав кулак к губам. — В смысле — расстались?! Когда? — Вчера вечером, — буднично отозвался он. — Мне Макс позвонил. Помнишь Макса?

Я кивнула, всё еще переваривая новость. — Ну вот. Макс зашел в вип-комнату в «Неоне». А Милана там... — Лис криво, невесело усмехнулся, подбирая слова. — В общем, она там очень тесно общалась с Денисом. В оральном смысле.

Мои глаза округлились. Я с грохотом поставила кружку на стол. — Что?! Она тебе изменила?! С Денисом?! — Ага. Прямо в клубе.

Внутри меня вспыхнуло такое первобытное, жгучее возмущение, что я забыла обо всех своих проблемах. Как она могла?! У нее был Лис — сильный, надежный, невероятный Елисей, а она променяла его на какую-то пьяную интрижку в подсобке! Я смотрела на него и пыталась найти на его лице хоть каплю боли или разбитого сердца. Но там было только глухое спокойствие. И всё же, мне казалось, что он просто прячет свои эмоции, как делал это с десяти лет, когда от него ушла мать.

Я резко встала из-за стола и подошла к нему. — Лис... Господи, мне так жаль, — я вскинула руки и крепко обняла его за шею, прижимаясь всем телом. — Она круглая идиотка. Слышишь? Самая настоящая дура!

Он замер. На секунду его руки просто повисли вдоль тела, а потом медленно, словно нехотя, легли мне на талию. Я прижалась к нему еще теснее, желая утешить, показать, что я рядом. Ткань моих тонких домашних штанов плотно соприкоснулась с его спортивками.

И тут я почувствовала *это*.

В мой живот, прямо над лобковой костью, уперлось нечто твердое, горячее и налитое тяжестью. В первую долю секунды мой мозг даже не понял, что это. А потом меня словно ударило током. Это был его член. Напряженный до предела, пульсирующий даже сквозь двойной слой нашей одежды.

Я замерла, перестав дышать. Елисей был возбужден. Возбужден так сильно, что это невозможно было скрыть. И дело было даже не в его внушительных, пугающих размерах, от

осознания которых у меня мгновенно пересохло во рту. Дело было в моей собственной реакции.

Когда Егор пытался прижиматься ко мне вот так, внутри меня всё каменело, опускался тот самый глухой бетонный блок. Я чувствовала панику и желание сжаться. Но сейчас... Сейчас, прижавшись к пульсирующей, каменной плоти Лиса, я не почувствовала ни капли страха. Наоборот. Низ живота мгновенно скрутило от сладкой, тяжелой судороги. Меня обдало таким горячим, откровенным жаром, что между бедер всё мгновенно стало влажным от внезапного, неконтролируемого желания. Мне вдруг до безумия захотелось податься вперед. Потереться об него. Почувствовать эту твердость без всяких преград, пустить её в себя...

Господи.

Елисей издал тихий, сдавленный рык сквозь стиснутые зубы. Он моментально осознал, что я всё поняла. Его руки на моей талии напряглись, пальцы впились в ткань моего свитера, и он мягко, но непреклонно отстранил меня от себя, делая шаг назад и разрывая этот обжигающий контакт.

— Всё нормально, Лиса, — его голос звучал хрипло, ниже обычного, он старательно отводил взгляд в сторону, разглядывая стену. — Я не расстроился. Честно. Чем привязала, тем и отвязала.

Он обошел меня по широкой дуге, подошел к раковине и включил холодную воду, подставив под нее руки и умывая лицо. Его плечи были напряжены как канаты. Он пытался остудить свой пыл, пытался сделать вид, что это просто физиология, случайность, и отчаянно надеялся, что я ничего не заметила, или спишу это на тесноту кухни.

Я медленно опустилась обратно на стул, сложив дрожащие руки на коленях. Я сделала вид, что ничего не произошло. Сделала вид, что меня интересует только мой ромашковый чай.

— Ну и слава богу, — ответила я, поразившись тому, каким ровным прозвучал мой голос. — Ты заслуживаешь лучшего.

Лис выключил воду и вытер лицо полотенцем. Он сел напротив меня, но теперь старался держать дистанцию. Он двигался осторожно, чуть сгорбившись, чтобы скрыть свое состояние за столом.

Мы сидели и пили чай в тишине. Он думал, что я ничего не заметила. Думал, что его тайна в безопасности. А я сидела, сжимая горячую кружку, и боролась с сумасшедшим желанием перелезть через стол, сесть ему на колени и узнать, каково это — когда на тебя смотрит не мальчишка-сосед, а мужчина. Мужчина, которого я хочу так, что болят ребра.

Мой мир, который начал крениться этой ночью, только что окончательно перевернулся с ног на голову. И дороги назад в «просто друзья» у нас больше не было.

Глава 9. Запретная территория.

ЕСЕНИЯ

Я вернулась на свою половину дома на ватных ногах. Тихо закрыла за собой входную дверь, чтобы не разбудить родителей, и проскользнула в свою комнату. Не включая свет, я стянула с себя свитер, домашние штаны и нырнула под холодное одеяло, свернувшись в клубок.

Но холодно мне не было. Внутри, где-то в самом низу живота, разливался тяжелый, пульсирующий жар. Я закрыла глаза, но перед внутренним взором стоял Елисей. Его сбитые костяшки, темные, почерневшие от мазута и усталости глаза. И то, что я почувствовала, прижавшись к нему.

Моя кожа всё еще помнила это ощущение. Каменная, горячая твердость его члена, упершаяся в мой живот. Мощная, мужская реакция на мое прикосновение. С Егором я всегда заставляла себя расслабиться. Я ждала, когда мое тело отзовется на его ласки, и каждый раз молилась, чтобы всё закончилось побыстрее. Но сейчас... Сейчас всё было иначе. Меня никто не трогал, я лежала одна в своей темной спальне, но между бедер было так влажно и горячо, что всё тело сводило от невыносимой судороги. Я хотела его. Хотела своего лучшего друга. Хотела почувствовать эту пугающую, пульсирующую твердость не через ткань одежды, а внутри себя.

Я судорожно выдохнула, и моя рука сама скользнула вниз по животу. Пальцы коснулись влажной, набрякшей плоти. Я тихонько застонала, запрокидывая голову на подушку. Я никогда не испытывала такой дикой, почти животной потребности в разрядке. Я начала ласкать себя, сначала медленно, а потом всё быстрее, представляя, что это не мои пальцы, а его шершавые, большие руки. Представляя, как он нависает надо мной, как его губы спускаются к моей шее. Возбуждение скручивалось тугой спиралью.

Я гладила свой клитор, чувствуя, как пульс стучит в висках. *Лис... Лис.* Мне нужен был он. Только он. И от этого осознания волна оргазма накрыла меня так резко и мощно, что я выгнулась на кровати, до боли закусив губу, чтобы не закричать. Меня трясло. Разрядка была ослепительной, глубокой, вывернувшей меня наизнанку.

Я лежала, тяжело дыша, глядя в темный потолок. Сердце колотилось как сумасшедшее. Удовольствие медленно отступало, оставляя после себя липкий, ледяной страх. Что я наделала? Как я теперь смогу смотреть ему в глаза? Он — мой лучший друг. Моя стена. Моя семья. Если мы переступим эту черту, если попробуем, а потом всё сломается, как ломается у миллионов других пар... я потеряю его навсегда. Я не переживу этого. Я просто не смогу жить в этом доме, зная, что за забором живет человек, который был моим всем, а стал никем.

Я свернулась калачиком, обхватив плечи руками, и тихо заплакала в подушку от страха перед тем, что уже невозможно было изменить.

ЕЛИСЕЙ

Когда за Лисой закрылась дверь моей кухни, я обессиленно рухнул на стул. Черт. Черт. Черт.

Мои джинсы были тесными до боли. Возбуждение, которое вспыхнуло еще там, в ванной, когда я смотрел на её обнаженную спину и затвердевшие от холода соски, теперь грозило разорвать меня на куски. А когда она обняла меня, прижавшись всем своим мягким, невероятным телом... Я не смог это скрыть. Она почувствовала мой стояк. Я видел, как расширились её зрачки, как она замерла. И я оттолкнул её, потому что боялся напугать.

Я запер входную дверь, выключил свет и пошел в свою комнату. Упал на спину на нерасправленную кровать. Тело ныло от усталости после многочасовой работы на СТО, но уснуть в таком состоянии было невозможно. Член стоял как железный лом, пульсируя и требуя выхода.

Нужно было просто сбросить напряжение. Механически. Как делают все мужики, чтобы уснуть. Я стянул через голову футболку, спустил штаны вместе с бельем. Моя рука обхватила

твердый, горячий член. Я начал двигать ладонью — жестко, быстро, закрыв глаза и пытаюсь абстрагироваться от того, кто спит за стеной.

Думай о Милане, — приказал я себе. Да, она шлюха, но она знала, что делает. Я попытался вспомнить её мокрый, горячий рот. То, как она умело брала меня, как смотрела снизу вверх, как её язык скользил по головке, доводя до предела. Я заставил себя сфокусироваться на этой картинке, на чистой физиологии, чтобы просто кончить и забыться сном.

Я ускорил темп, тяжело дыша сквозь стиснутые зубы. Но гребанный мозг отказывался подчиняться.

Картинка с умелым ртом Миланы померкла, рассыпалась пеплом. И на её месте вспыхнуло запотевшее зеркало в ванной. Мокрая, растрепанная Есения. Капли воды, стекающие по её шее. Её тяжелая грудь, торчащие, сведенные холодом соски, которые мне до одури хотелось взять в рот. Её запах — яблоки и свежесть. Её зеленые глаза.

— Блядь... — глухо прохрипел я, сжимая член сильнее.

Я не хотел Милану. Я не хотел её грязного, опытного рта. Я хотел эту невыносимую, упрямую девчонку за стеной. Я представлял, как она стонет подо мной, как её ногти впиваются в мою спину, как я вхожу в её, узкую влажность, заполняя её до краев. От одной этой мысли меня прошило током. Возбуждение достигло критической точки. Я застонал, зарываясь затылком в подушку, и мощно, судорожно кончил в собственную ладонь, выплескивая всё это безумное напряжение.

Я лежал в темноте, тяжело дыша, чувствуя, как бешено бьется сердце об ребра. Схватил салфетки с тумбочки, вытер руку и живот. Натянул штаны обратно.

Физическая разрядка принесла облегчение телу, но в голове наступил полный пиздец. Я смотрел на стену, разделяющую наши комнаты. Я знал, что это не просто спермотоксикоз. Это точка невозврата. Я хочу её так, что готов быть.

Но если я сделаю шаг... Если я рискну и поцелую её по-настоящему, а она испугается? Если для нее я всё еще просто «Лис, который всегда рядом»? Она только что рассталась с Егором. Она разбита и уязвима. Если я наброшусь на нее сейчас, я могу сломать всё. А потерять её... потерять этот двор, эти переругивания через забор, её смех — я не смогу. У меня никого ближе неё нет. Страх всё испортить сковал меня ледяными цепями. Я отвернулся к окну, понимая, что эта ночь будет самой долгой в моей жизни.

Глава 10. Опасная дистанция.

ЕСЕНИЯ

Утро воскресенья началось с головной боли и жуткого недосыпа.

Я ворочалась до четырех утра, прокручивая в голове вчерашний вечер: ощущение его твердого тела, собственный срыв, этот сумасшедший оргазм в одиночестве и липкий, душастый страх всё испортить. Когда я наконец выползла на кухню, солнце уже вовсю заливало двор, выкрашивая октябрьские листья в ярко-рыжий цвет.

Мама шумела у плиты, заваривая чай. — Есения, ты бледная как смерть, — заметила она, ставя передо мной чашку. — Точно не заболела? Вчера прибежала вся в слезах, с этим Егором опять поругалась?

Я машинально обхватила чашку теплыми ладонями. — Мы расстались, мам. Окончательно.

Мама замерла с полотенцем в руках, посмотрела на меня внимательно, без тени удивления, и тихо вздохнула: — Ну и слава богу. Никогда он мне не нравился. Слишком прилизанный.

Я кивнула, не вдаваясь в подробности. Если бы мама знала, *из-за кого* на самом деле рухнули мои отношения с «прилизанным» Егором, она бы точно упала в обморок.

Около полудня мне нужно было идти в салон — выходить на внеплановую смену к постоянной клиентке. Я натянула джинсы, серую худи, набросила куртку и вышла на крыльцо. Сердце предательски кольнуло. Напротив, у соседнего крыльца, стоял Елисей.

Он собирал какой-то инструмент в ящик. На нем были старые джинсы и черная толстовка. Выглядел он так же невыспавшемся, как и я — под глазами залегли тени, а плечи казались тяжелыми.

Я замерла на своей ступени. Стоило мне увидеть его, как внизу живота снова вспыхнуло то самое знакомое, предательское тепло. Я вспомнила, как прижималась к нему вчера, как чувствовала его под одеждой, и меня бросило в краску. Боже мой, как я теперь буду смотреть ему в глаза?!

Лис поднял голову. На секунду его взгляд столкнулся с моим. В его глазах мелькнуло то же узнавание, та же тяжелая, напряженная искра. Он сглотнул, резко сжав челюсти, и на долю секунды отвел взгляд в сторону, словно собираясь с мыслями.

А потом натянул на лицо маску. Обычную, привычную маску «просто друга». — Привет, Лиса, — бросил он хриловатым от утреннего молчания голосом, защелкивая замок на ящике с инструментами. — Выглядишь так, будто по тебе каток проехал.

Я сглотнула вязкую слюну и попыталась ответить так же легко, хотя голос отчаянно дрожал: — Спасибо, взаимно. Ты тоже не похож на человека, который выпался. — На новом месте всегда плохо спится, — многозначительно отозвался он, выпрямляясь и глядя прямо на меня.

В воздухе между нами заискрило высокое напряжение. Каждое слово словно имело двойное дно. Мы оба знали, *что* произошло вчера. Мы оба знали, *о чем* думали этой ночью. Но правила нашей многолетней игры требовали делать вид, будто ничего не изменилось.

— Ладно, — я с фальшивой бодростью качнула головой, спешно отступая к калитке. — Мне на работу пора. Опоздаю. — Иди, — тихо сказал Елисей, не сводя с меня тяжелого, обжигающего взгляда. — Я вечером буду дома. Если что... заходи.

От этого «если что... заходи» у меня по спине побежали мурашки. Я быстро кивнула, открыла калитку и практически выбежала со двора, чувствуя, как он провожает меня взглядом.

ЕЛИСЕЙ

Я проводил её взглядом до самого поворота улицы, пока за ней не скрылась её объемная серая худи. Выдохнул так тяжело, будто всё это время задерживал воздух.

«Если что... заходи». Идиот. Какой же я идиот. Я же обещал себе держать дистанцию, не давить, не пугать её. А сам едва сдержался, чтобы не бросить этот проклятый ящик с инструментами, не догнать её посреди улицы, не прижать к ближайшему забору и не сделать то, о чем грезил всю ночь.

Я вошел в дом, бросил ключи на тумбу и прошел на кухню. На столе стояла её недопитая вчерашняя кружка с остывшим чаем. Я подошел, взял её в руки. На ободке остался еле заметный след от гигиенической помады. Меня снова качнуло от волны глухого, животного желания.

Мы оба испугались. Я видел это по её глазам сегодня утром — она бежала от меня точно так же, как я пытался отгородиться от собственных мыслей. Пять лет дружбы. Тысячи совместных воспоминаний, разбитые коленки, доверие, выстроенное по кирпичику. Мы были друг для друга абсолютной стабильностью в этом безумном мире.

И вот теперь под этой стабильностью треснул фундамент. Если мы сделаем шаг навстречу друг другу и оступимся — рухнет всё. Мы не сможем откатить время назад и снова стать просто «Лисом и Лисой». Мы сожжем дотла всё, что у нас есть.

Я поставил кружку на стол и со злости ударил кулаком по стене. Глухой стук эхом разнесся по пустой кухне. Но глядя на эту трещину, я с ужасом и восторгом понимал одну вещь: возвращаться к старому мне уже не хочется. И рано или поздно этот хрупкий лед под нашими ногами всё равно проломится.

Глава 11. Светские хроники барнаульского разлива.

ЕСЕНИЯ

Вечером понедельника я сидела на диване и тупо смотрела в экран телефона, когда в стену прилетел легкий, но настойчивый стук. Тук-тук. Два коротких. Наш старый условный сигнал еще со школы, когда нужно было вытащить друг друга из дома без лишних слов.

Я отложила телефон, набросила куртку и вышла на крыльцо. Лис стоял у забора. На нем была нормальная, человеческая куртка вместо вечного мазутного комбеза, джинсы и чистые кроссовки. Выглядел он подозрительно бодро для человека, который сутки напролет таскал коробки передач.

— Собирайся, Лиса, — беззаботно бросил он, засунув руки в карманы. — Выходим в свет. — Куда это еще «в свет»? — подозрительно прищурилась я. — Нам что, свет отключили? — Нет. Но у меня законный вечер свободных ушей, и я требую культурной программы. Надоело пахнуть отработкой. Пойдем в «Пинскер» на Ленинском, съедим по бургеру и выпьем пива. Или сока. Чего душа пожелает.

Мысль отказаться промелькнула и тут же испарилась. Сидеть дома одной и снова крутить в голове утреннюю сцену у калитки было выше моих сил. — Десять минут, — бросила я и метнулась в комнату.

«Пинскер» — популярный бар-ресторан в центре Барнаула — встретил нас шумом музыки, запахом жареного мяса и полумраком. Мы заняли столик в углу, у массивной кирпичной колонны.

Когда принесли огромные бургеры и картошку фри, напряжение последних суток наконец начало отступать. Мы снова были Лисом и Лисой. Мы препирались из-за того, кому достанется последний луковый кольцо, вспоминали, как в десятом классе пытались починить мопед трудовика и разобрали его так, что собрали обратно уже газонокосилку.

Я хохотала так, что за соседними столиками на нас начали оглядываться. С ним было легко. Никакого глянцевого пафоса, никаких дурацких намеков на «совместное светлое будущее».

— Слушай, а бургеры здесь неплохие, — Лис откинулся на спинку дивана, сыто жмурясь, и тут же замер. Улыбка медленно сползла с его лица.

Я проследила за его взглядом. К нашему столику направлялся Егор. Он был не один. Рядом с ним семенила какая-то девица с идеальными губами-уточками и сумочкой Шанель наперевес. Сам Егор выглядел безупречно: сморщенный нос, идеально скроенный костюм и выражение лица человека, который только что выиграл тендер на поставку нефти.

Увидев меня, а главное — сидящего напротив Елисея в обычной толстовке, Егор остановился. В его глазах мелькнуло такое злорадное торжество, что мне сразу захотелось запустить в него недоеденной картошкой.

— Ой, какие люди! — растянув губы в голливудской улыбке, произнес Егор. — Есения. И... сосед. Решили сменить обстановку? Из ваших трущоб до центра доехали?

Я уже открыла рот, чтобы высказать всё, что думаю про его манеры и его «Шанель на выгуле», но Лис опередил меня.

Елисей даже не встал. Он медленно вытер салфеткой пальцы, откинулся на диван, скрестил руки на груди и посмотрел на Егора снизу вверх с ленивой насмешкой.

— Рассекаешь? — спокойно сказал Лис, кивнув на его спутницу. — Смотрю, замену нашел быстро. Не прошло и пары дней, а уже выгуливаешь новый экземпляр для светских раутов.

Лицо Егора слегка перекосило от того, что внимание переключили на него, но он быстро взял себя в руки, победоносно усмехнувшись: — Ну, в отличие от некоторых, я не трачу время

на детские сказки. Слышал я вашу историю. Есения вчера хлопнула дверью со мной, а ты, сосед, сидишь тут с ней, делая вид, что вы просто друзья из одной песочницы.

Он с вызовом обвел нас взглядом, явно ожидая, что мы смутимся. — Смотрю я на вас, ребята, — продолжил Егор громче, привлекая внимание соседних столиков, — и прямо умиляюсь. Вы случаем не стоваривались? Сначала синхронно одинокие, а теперь расчищаете друг другу дорожку? Решили вспомнить, как в детстве яблоками кидались, и проверить старую дружбу на прочность, да?

От этой фразы у меня внутри всё заledenело. *«Расчищаете друг другу дорожку»*. Как он догадался?! Неужели со стороны всё выглядит настолько очевидно?!

Я испуганно перевела взгляд на Елисея. Лис не смутился ни на секунду. Наоборот, его губы дрогнули в опасной, хищной улыбке. Он медленно поднялся во весь рост — а был он заметно выше и крупнее Егора.

— Знаешь, приятель, — ровно и очень тихо произнес Лис, делая шаг из-за стола прямо к Егору. — В одном ты прав. Дорожку мы действительно расчистили. Только не друг для друга. А от всякого мусора, который путался под ногами.

Егор инстинктивно отступил на шаг назад, утыкаясь спиной в официанта с подносом. — Так что советую тебе забрать свою спутницу и продолжить променады в другом месте, — продолжил Лис, не повышая голоса. — А то аппетит портят всякие... глянцевого недоразумения.

— Пошли, Егор, чего ты с ними возишься... — заныла девица с Шанель, дергая его за рукав. Егор бросил на нас полный ярости и бессилия взгляд, сглотнул ком в горле и процедил: — Да пошли вы оба.

Он развернулся и быстрым шагом потащил свою спутницу к выходу.

Я выдохнула так громко, будто только что вынырнула из проруби. Плечи опустились. Я посмотрела на Лиса, который спокойно вернулся на свое место и откусил кусок бургера.

— Ты гений, — выдохнула я, качая головой. Лис хмыкнул, но глаза его потемнели. Он отложил бургер, поднял на меня свои темные, серьезные глаза и тихо ответил: — А насчет дорожки... этот павлин в одном был прав.

Я замерла, чувствуя, как внутри снова поднимается эта опасная, сладкая волна. — В чем это? — Дорожка действительно свободна, Лиса.

Мы сидели посреди шумного бара, под тусклым светом ламп, и я отчетливо понимала: отступать больше некуда. Шутки кончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.